

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ

ЗАРЯ

// 7

I.

Памяти милыхъ сердцу.

Женя не могъ сказать, съ какого времени началъ себя помнить. Были ничтожныя или непонятно-прелестныя воспоминанія, – игра, ласка, запахъ лѣтняго сада; но это тонуло въ туманѣ дѣтства, легендарнаго существованія, бросающаго на цѣлую жизнь свой свѣтъ.

И лишь много позже выяснилось для него, что начало жизни проходило въ деревнѣ. Навсегда врѣзался двухэтажный бѣлый домъ на взгорьѣ, почти среди села; дорога къ церкви, усаженная раkitами; бѣлорозовая церковь съ раздольнымъ погостомъ, откуда видны луга, съ разметавшейся «поповкой», – тамъ жилъ причтъ. Наискось черезъ улицу большой садъ. Здѣсь уже слегка таинственно, и нѣкое очарованье представляли его дальнія липовыя аллеи, выходившія за село, въ поле; глухія мѣста, заросшія бурьяномъ и крапивой; маленькій овражекъ, гдѣ валялись лошадиныя кости и росли особенные, бѣлые цвѣты.

А далеко вокругъ дома, церкви, сада, села, расположеннаго на полухолмѣ – синѣли кольцомъ лѣса. Что было въ нихъ, какіе жили звѣри или разбойники, этого дѣтскій умъ не зналъ. Но ихъ названія были внушительны, иногда жутки: Брынскій лѣсъ, Козій боръ, Чертоломъ. Эти лѣса и поля, шедшія

// 9

къ нимъ, и рѣчка среди ровныхъ луговъ, присылали съ вѣтрами свои благоуханья – дѣвственную крѣпость, чистоту, силу. Жизнь

маленькихъ людей была овѣяна ими. Не оттого-ли все въ тѣ дни – во время Эдема – казалось острымъ и дивнымъ, какъ божественный напитокъ?

II.

Изъ оконъ Жениной дѣтской, во второмъ этажѣ, виднѣлся склонъ къ рѣчкѣ, луга, и далекій заказъ на горизонтѣ. Много свѣту было въ этомъ видѣ. Какъ будто окна выходили вообще на Божій міръ, лежавшій въ такомъ просторѣ и ясности.

Въ девять, къ концу ужина, дѣти уставали. И Женя, и сестра Соничка клевали носомъ, и тутъ нужно было умѣнье, чтобы отправить ихъ спать. Былъ и способъ для этого. Приходилъ Гришка, кривоногій человекъ невзрачнаго вида, и тихая женщина Дашенька; только имъ можно было уносить дѣтей. Часто – садились верхомъ, и полусонные, со сплетающимися дѣтскими мыслями брели на отдыхъ.

Раздѣваясь, видѣли красную зарю, гасшую за заказомъ, туманъ надъ лугами. Далекимъ, милымъ дерганьемъ кричали коростели. Эти коростели и закаты незабываемы; чистымъ видѣніемъ сохранились они навсегда.

Засыпали покойно. Только Женя требовалъ, чтобы рядомъ въ комнатѣ сидѣла Дашенька. Было-ли жутко наступленіе ночи, съ іюньскими звѣздами, или казалось страшнымъ не заснуть къ извѣстному часу?

Но Дашенька сидѣла, а вдали, въ столовой, была и мама. И можетъ быть, эта мама, которая прелестнѣй всѣхъ закатовъ, можетъ быть она подойдетъ и заглянетъ. А какое счастье, если поцѣлуетъ. Тогда навѣрно будетъ осилено безпокойство ночи, и свѣтлый сонъ, гдѣ видишь, что летишь, возьметъ незамѣтно.

// 10

III.

Въ словѣ отецъ для Жени заключалось все могущественное и интересное, что возможно представить о человекѣ. Онъ могъ одолѣть что угодно, устроить всякое дѣло; онъ былъ охотникъ. Стрѣлялъ волковъ и медвѣдей гдѣ то въ дебряхъ, въ Чертоломѣ, и ничего не боялся. Лѣтомъ онъ ѣздилъ за тетеревами.

Рано утромъ, проснувшись, Женя подбѣгалъ къ окошку – и снова тѣ-же зеленые, покойные луга, за ними ржи, и на горизонтѣ Высоцкій заказъ, гдѣ охотится отецъ. Въ блескѣ солнца, въ напряженномъ зноѣ, колышащемся надъ полями, въ легкомъ миражѣ надъ горизонтомъ эти утра такъ безсмертны! Не тогда-ли дается человѣку откровение природы?

– Женя! Klavier spielen!

И, конечно, онъ шелъ. Лина сидѣла надъ нимъ, онъ бездарно разыгрывалъ этюды, за окнами липы цвѣли, золотѣли, сладко благоухали, и все думалось: сколько-же тетеревовъ привезетъ отецъ?

Катятся дрожки. Черная Норма бѣжитъ съ высунутымъ языкомъ. Тутъ ужъ нѣтъ силъ удержать гаммами.

– Много убилъ? Нѣтъ, расскажи?

Снимая сапоги, отецъ долженъ былъ подробно рассказывать, а Женя слушалъ, въ волненіи, съ неотступнымъ интересомъ, точно дѣло шло о битвѣ, геройскихъ подвигахъ.

Когда-то ему купятъ ружье!

Послѣ обѣда отецъ спалъ, накрывшись пиджакомъ. Въ четыре его можно было будить. Въ это время въ его комнатѣ было душно, и стоялъ мужественный, знакомый запахъ, который Женя такъ любилъ. Подкравшись, онъ цѣловалъ отца въ щеку. Тотъ вскакивалъ, но, увидѣвъ Женю, смѣялся и ласкалъ его.

Потомъ шли на рѣчку купаться; тамъ снова дивно пахнулъ лознякъ, прибрежный песокъ блестѣлъ, ле-

// 11

тали стрижи, отецъ училъ Женю плавать, и онъ благоговѣлъ, держался за его загорѣлую шею, задыхался отъ гордости, если выказывалъ ловкость. Такъ летѣло время, пока солнце не сходило къ низу, краснѣя. Значить, ушелъ день. Кто считаетъ ихъ? Закутавъ головы полотенцами, они шли домой.

IV.

Въ разгарѣ іюля, знойнаго, радостнаго мѣсяца, загнать дѣтей въ комнаты трудно. Бѣдная Лина могла охатъ сколько угодно, – Женя, Соничка, кузина Лиза Толстая или Лиза Собачка цѣлыми днями

пропадали въ большомъ саду, гдѣ-то на гумнахъ, въ конопляхъ, въ крыжовникѣ. Замѣтивъ Лину, хохотали, кричали таинственное дѣтское слово «чибѳсь», – оно значило все что угодно – и вихремъ неслись въ свои тайныя мѣста, извѣстныя только посвященнымъ.

– Соня, Соня, давай бѣгать! – кричала Лиза Собачка, и въ упоеньи отъ здоровья, счастья неслась какъ дикій кобыленокъ по аллеямъ. За ней Соня, Женя. Но Женя не могъ угнаться. Онѣ старше и ловчѣй. Онѣ злился.

– Дуры! Конечно, дуры! Выдумаютъ еще!

– Не догналъ, не догналъ! Самъ дуракъ.

Лиза Толстенъкая останавливалась и показывала языкъ.

– Бимъ-бомъ!

– Не понимаю я вашихъ глупостей!

Это слово приводило Женю въ ярость. Дѣвчонки хохотали, а онѣ ничего не понималъ. Здѣсь была уже маленькая женская тайна; онѣ заливались, кувыркались отъ восторга, шептались и какъ заговорщицы спрашивали другъ друга: «это бимъ-бомъ?» «Нѣтъ». Бимъ-бомъ было что-то другое, снова неуловимое и раздражающее.

Къ вечеру жара спадала. Тогда играли въ лапту. Со слободы собирались дружественныя мальчишки, разные Савоськи, Масетки, Романы – и раздѣлялись

// 12

на партіи. Битвы получались жестокия. На широчайшей улицѣ, по гусиной травкѣ, затянувшей середину, въ огненномъ азартѣ носились дѣти, барскія и мужицкія вперемежку, и только одна мысль: не смазать бы мячемъ, срѣзать бы врага, хоть у черты. Или запустить мячъ Богъ знаетъ куда къ небу, гдѣ ласточки шмыгаютъ въ золотомъ свѣтѣ, чтобы онѣ на мгновенье повисъ въ синевѣ – и камнемъ къ низу.

Хорошо, если играетъ пастушенокъ Вальтонъ. Почему онѣ Вальтонъ, этого не знаютъ. Онѣ даже не изъ этой деревни, но въ него влюблены всѣ дѣти. Что-то есть въ немъ острое, покоряющее. Когда онѣ подѣзжаетъ со стадомъ, сидя бокомъ на кобылкѣ, дѣти кричатъ: «Вальтонъ, къ намъ!» Вальтонъ равнодушенъ, какъ знаменитость, и въ этомъ тоже его обаянъе. Сдавъ скотъ, онѣ можетъ, между прочимъ и сразиться. Но это такъ, отъ нечего дѣлать.

Побѣждаютъ тѣ, на чьей сторонѣ Вальтонъ.

V.

Товарищъ отца по службѣ Дѣдъ (его звали такъ за громадную бороду) – подарилъ Женѣ ружье. Это было событіемъ.

Съ утра передъ его пріѣздомъ Женя волновался. Онъ догадывался смутнымъ чувствомъ – и скрывалъ, стараясь имѣть независимый, равнодушный видъ.

Но когда Дѣдъ ввалился, втащили его вещи и остался только странный продолговатый ящикъ, Женя не вытерпѣлъ:

– А тутъ... что? – спросилъ онъ, задыхаясь, цѣлуя Дѣда.

Дѣдъ улыбался и гладилъ черную бороду.

– А посмотримъ, посмотримъ.

И тамъ было ружье. Настоящее ружье, одноствольное, шомпольное, тульской работы. Соня съ Собачкой визжали; Женя сіялъ молча. Онъ считалъ неудобнымъ выказывать радость открыто. Отецъ съ Дѣдомъ осматривали ружье, совѣтовались, улыбались.

// 13

Послѣ обѣда Дѣдъ сказалъ:

– Что-же, надо итти пробовать.

Женя похолодѣлъ. Стрѣлять! Первый разъ въ жизни выпалить, произвести этотъ страшный громъ, который пугалъ его, даже когда стрѣлялъ отецъ – и не струсить!

Былъ прохладный день, сѣроватый. Липы въ большомъ саду облетали, пахло милой и печальной осенью. На гумнѣ Ивана Гусарова молотили цѣпами.

Впереди шелъ Дѣдъ съ отцомъ, потомъ Женя, дѣвочки, садовникъ, сзади гомозились мальчишки. Въ саду выбрали заброшенную сторожку караульщика; прикрѣпили бумагу на двери, обвели кругъ.

– Ну, готово, – сказалъ Дѣдъ. – Николай Петровичъ, заряжайте.

Отецъ заколачивалъ шомполомъ пыжь, а Женя стоялъ, смотрѣлъ невидящими глазами и вздыхалъ – какъ будто стрѣлять должны были въ него. Наконецъ, отецъ надѣлъ пистонъ. Дѣвочки заткнули уши и замерли.

– Теперь бери... вотъ такъ, лѣвую впередъ, чтобъ мушка на серединѣ листа...

Женя видѣлъ только блиставшій пистонь. Въ немъ отражался какой-то лучь, и этотъ пистонь дѣйствовалъ на него магически. Руки не двигались.

– Ну, валяй! крикнулъ Дѣдъ.

Женя что-то дернулъ, передъ нимъ блеснуло, бухнуло, онъ отшатнулся и опустилъ ружье.

Отецъ съ Дѣдомъ смѣялись.

– Страшно палить, а?

Дѣдъ трепалъ его по щекѣ.

– Ну ничего, молодецъ.

– Нѣтъ, – сказалъ Женя, едва выговаривая слова: не страшно.

Отецъ подошелъ къ сторожкѣ.

– Десять дробинъ, ай да ты!

Женя улыбался. Чѣмъ то смутнымъ, блаженнымъ былъ онъ полонъ, и весь этотъ день, когда ружье

// 14

висѣло въ кабинетѣ съ «настоящими» ружьями, былъ такъ значителенъ, радостенъ; онъ уже не просто Женя, а владѣтель ружья, изъ котораго можетъ стрѣлять воробьевъ, сорокъ – какое громадное преимущество передъ дѣвченками!

Онъ былъ счастливъ.

VI

Слобода, гдѣ играли въ лапту, дорога къ церкви, все съ наступленіемъ осени обращалось въ топь. Приходилось сидѣть дома. Только отецъ могъ ѣздить въ это время съ гончими, дѣти учились, и бѣдная Лиза Толстенькая часами разыгрывала экзерсисы; отъ скуки, неудовольствія по ея пухлымъ щекамъ текли слезы, но въ это время года ничего уже нельзя было подѣлать съ Линой: она брала верхъ. Соня и Женя учились по нѣмецки. О ружьѣ нечего было и думать.

Черезъ часъ, два послѣ обѣда, смеркалось. За окнами было темно, на деревнѣ зажигали кой-гдѣ огни.

– Соня, Соня, говорила Собачка, за сколько-бъ ты пошла сейчасъ на кладбище?

– Я-бъ за тысячу.

– А я бы за десять не пошла...

Въ столовой шила что-нибудь мама, въ комнатѣ рядомъ съ кухней Дашенька штопала чулки. Дѣти посылали за Настасьей.

Старая баба Настасья, птичница, хромая, подслѣповатая, вносила съ собой нѣчто сказочно-таинственное. Ее заставляли рассказывать, давали за это орѣшковъ, пряника. Усаживались вокругъ въ темной комнатѣ, запирали двери – начинались рассказы.

– И было, значить, три сестрицы: одна двуглазка, другая одноглазка, третья трехглазка. И такъ это вѣдьма и говорить: закрой глазокъ, закрой другой, а про третій забыла.

Послѣ сказокъ прятались. Въ темнотѣ залѣзали въ шкафы, подъ туалетъ, подъ кровати. Искала

// 15

всегда Настасья. Какъ тихій звѣрь лазила и ковыляла она по полу, а дѣти хихикали, перескакивали изъ одной похоронки въ другую, визжали, шмыгали подъ самыми ея руками и торжествовали.

– Будеть вамъ, будетъ! – говорила мама, внезапно растворяя дверь: – ужинать пора.

Съ ней врывался свѣтъ; жуткое и азартъ, въ которомъ жили эти часы – пропадалъ, дѣти были недовольны.

– Мамочка, позволь еще! Милая!

Но мать настаивала; приходилось подчиняться.

– Послѣ этой Настасьи всегда такой запахъ, – мама улыбалась и отворяла форточку. Дѣти расходились красные, съ блестящими глазами.

Разъ осенью, въ такой-же дождливый вечеръ Женя стоялъ съ Настасьей у окошка. У него на губѣ былъ лишай, огникъ, какъ говорила Настасья. Онъ смотрѣлъ на огонекъ въ избушкѣ караульщика у погоста, и повторялъ за Настасьей машинально: «Огонь, огонь, возьми огникъ, огонь, огонь, возьми огникъ». Ему было скучно. Непонятная тоска сжимала сердце.

– Теперъ отплюнься: разъ плюнь, два, и соскочить.

– Почему-же соскочить?

– А ужъ потому. Увидишь.

Женѣ было все равно. Можетъ быть, и соскочить. Онѣ водилъ пальцемъ по стеклу и всматривался.

– Слушай, – сказалъ онѣ: – а что сторожъ тамъ дѣлаеть?

– Сторожъ-то?

– На погостѣ.

– Значить, краулить.

Женя молчалъ.

– Кого-жѣ караулить? Все покойники.

// 16

– Такъ ужѣ значить краулить.

– А что – вдругъ спросилъ онѣ – когда мы умремъ, насъ туда-же положить?

– Тебѣ то еще долго жить, – сказала Настасья, вздохнула.

Больше Женя не спрашивалъ. Онѣ стоялъ упершись лбомъ въ стекло, и думалъ. Что тамъ такое будетъ? Пройдетъ десять, двадцать, пятьдесятъ лѣтъ – онѣ станетъ такой-же старенькѣй, какъ эта Настасья, а гдѣ будетъ тогда Настасья? Гдѣ мама будетъ? «Мама!» чуть не закричалъ онѣ. Ледяная мысль пронзила его: что будетъ съ мамой? Вдругъ умереть мама теперь-же, черезъ мѣсяць, годъ? Этого онѣ не могъ вынести; какъ стоялъ у окна – залился долгимъ плачемъ, долгимъ, неутѣшнымъ.

Прибѣжала мама, его ласкали, утѣшали; онѣ ничего не говорилъ. Въ ужасѣ держался за мать, плакалъ, не переставая твердилъ: «Мама, мама!»

Много разъ съ тѣхъ поръ, въ зрѣлые годы, думалъ онѣ объ этомъ, но тотъ вечеръ, когда впервые былъ поставленъ такой вопросъ – тотъ осенній мрачный вечеръ съ огонькомъ на кладбищѣ нельзя было вычеркнуть ничѣмъ.

VII.

Для человѣка въ десять лѣтъ «мама» обнимаетъ три четверти жизни. Встаетъ-ли онѣ утромъ, учить ли нѣмецкѣя слова, ѣсть-ли за завтракомъ котлетку съ огурцомъ, сражается-ли съ сестрой въ свои козыри, охотится-ли, слушаетъ-ли сказку, ложится-ли спать, страдаетъ, здоровъ или боленъ – всегда, на всѣхъ путяхъ его маленькой

жизни за нимъ слѣдитъ свѣтлый духъ – мама. Быть можетъ, ея нѣтъ въ тотъ, иной моментъ. Она можетъ уѣхать въ гости, уйти въ амбаръ, на птичникъ – но это ничего не значить. Ее можно найти, прибѣжать къ ней, разрыдаться въ ея объятіяхъ, если случилось что-нибудь ужасное – напримѣръ, убили любимую собаку, или кучеръ оби-

// 17

дѣль друга Романа. Но у ней будетъ найдено утѣшеніе и защита. Мама не можетъ быть несправедливой. Если другъ Романъ дѣйствительно невиновенъ, – кучеръ понесетъ свою кару.

Когда маленькій человѣкъ заболѣлъ, на ея лицо ложится тѣнь. Мама спокойна, сдержана, но волнуется. Посовѣтовавшись съ фельдшеромъ Астахомъ, она дастъ хины, положитъ компрессъ *chauffant*, смѣряетъ температуру черненькимъ термометромъ – подъ ея умѣлыми руками не можетъ болѣзнь не податься. А глухой ночью, когда отъ жары начнется кошмаръ, она наклонится, въ бѣлой кофточкѣ, возьметъ къ себѣ на постель и при ней духи тьмы не осмѣлятся приблизиться.

И первая, кому радуется и кого любить выздоравливающій ребенокъ, это та-же мама. По ея лицу онъ видитъ, что прошло тяжелое и вновь пойдутъ утра и игры, ясные зимніе дни, коньки, лыжи, бѣлые морозы и иней.

Въ большомъ домѣ, гдѣ копошатся дѣти, снова и постоянно проходитъ свѣтлымъ видѣніемъ она – далекая отъ радостей, ясная, и вся въ любви мама.

VIII.

Зима! Это значить, что все завѣяно ровнымъ бѣлымъ снѣгомъ, остро-вкусенъ воздухъ, небо пріятно-свинцоваго тона и летаютъ вороны. Это значить, что для дѣтей насталь новый рядъ радостей – зимняя жизнь и зимнія удовольствія – лыжи, коньки, салазки, а вдали, гдѣ-то на границѣ двухъ годовъ – Рождество.

Съ новымъ сезономъ столяръ Семіюшка получаетъ новую работу: долженъ подмораживать скамьи для катанья.

Дѣти забирались въ мастерскую – тамъ пахло клеемъ, древесными стружками, было жарко и работалъ старикъ Семень съ веревочкой вокругъ головы.

– Дядя Семіюша, а дядя, пора!

// 18

– Сдѣлалъ-бы скамеечку!

– Значить, не можемъ. Значить, барину полозья выгнемъ, и значить, тогда изготовимъ.

Но, конечно, онъ уступалъ, и намазавъ низъ скамьи навозомъ, подливалъ водой. Получалась ледяшка. Дѣти бѣжали къ друзьямъ, на деревню; друзья тащили самодѣльные скамейки, – начиналось игрище.

Садилась всѣ вмѣстѣ у околицы, между домомъ и церковью. Къ рѣчкѣ шелъ далекій, ровный спускъ.

Сначала подталкивали скамьи ногами, но чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣй, плавнѣй ея ходъ. Осталась налѣво сажалка съ незамерзавшимъ ручьемъ, гдѣ бродятъ гуси, вытягиваютъ шеи и кричатъ. Скамья бочитъ, – ударъ ногой, и она снова на пути; вотъ все быстрѣй, быстрѣе въ надвигающихся сумеркахъ летятъ ребята, вотъ не удержались, – всѣ вверхъ ногами кувыркаются въ снѣгъ. Визгъ, хохотъ. Надо вылѣзть, тащить въ гору свои экипажи, снова мчатся.

Дѣти распылались, глаза горятъ, въ валенки набился снѣгъ; пахнетъ зимой, радостью, дубленнымъ тулупчикомъ Жени. Издали свѣтитъ домъ; вѣрно, скоро тамъ будетъ чай, къ околицѣ выйдетъ Лина въ короткой кофточкѣ, и придется возвращаться.

При сіяющей лампѣ, въ столовой, дѣти будутъ наперебой болтать о восторгахъ катанья, запихивая за обѣ щеки бѣлый хлѣбъ съ масломъ. Отецъ выйдетъ послѣ дневного сна и выпьетъ свою порцію – чай съ молокомъ и въ прикуску маленькіе кусочки сахара. Потомъ онъ пойдетъ набивать патроны къ завтрашнему дню. Переводя духъ, глядя какъ сильныя руки отца забиваютъ пыжъ въ гильзу, стоитъ сзади Женя. Или, быть можетъ, они станутъ топить въ каминѣ свинецъ для пуль, и эту жидкость, какъ ртуть, лить въ пулелейку. А выше, на полкѣ мастерской, полусработанный стоитъ маленькій бригъ. Слѣдить за работой отца такое наслажденіе!

Лягутъ спать во время; передъ сномъ Лиза Толстенъкая съ Соней проскачутъ въ рубашонкахъ у себя

// 19

въ комнатѣ, будутъ хохотать, шептаться, опять ненавистный «бимъ-бомъ» долетитъ до слуха Жени. Но быстрый, здоровый сонъ возьметъ всѣхъ.

Мама проработаетъ до двѣнадцати. Позже всѣхъ, обойдя домъ и заперевъ двери, ляжетъ отецъ. Онъ выйдетъ на крыльцо, послушаетъ. Если утки кричатъ на сажалкѣ, вернется, возьметъ револьверъ и пойдетъ взглянуть: не волки ли – отецъ ничего не боится.

И возможно, что когда уснетъ и онъ, въ своемъ кабинетѣ, гдѣ висятъ ружья на рогахъ надъ медвѣжьей шкурой, завѣсившей стѣну – можетъ быть, тогда волки и придутъ. Былъ даже случай, что одинъ подошелъ къ самому кабинету. Слѣдъ указывалъ на это съ точностью. Но боги хранители дома, русскіе лары не дадутъ въ ночной часъ неблагополучія.

IX.

Рождества дѣти всегда ждали. Рождество, Святки для этого народа полны счастья, сказочности, необычнаго.

Съ самаго утра казалось, что наступилъ день даже другого цвѣта, чѣмъ обыкновенные. Тѣ дни сѣрые или бѣлые, а этотъ – острый, жуткій, ему не найдешь краски.

Волненія начинались съ постели. Во-первыхъ были они о полахъ, во-вторыхъ о подаркахъ и елкѣ. Попы волновали тягостно, съ оттѣнкомъ подчиненности. Дѣти смирѣли, крестились, а Женю видѣ ризь, камилавки, кадила ошеломлялъ. Батюшка бывалъ любезенъ; пилъ послѣ молебна водку, закусывалъ пирогомъ, но все-же это былъ тотъ странный человѣкъ, который облачается въ золото, при пѣніи произноситъ малопонятныя слова и присутствуетъ на крестинахъ, свадьбахъ, похоронахъ. Замѣститель кого-то еще болѣе страшнаго и неизвѣстно гдѣ находящагося.

Подарки и елка – другое дѣло. Всякому лестно получить Донъ Кихота, или, можетъ быть, пушку, новыхъ солдатъ.

А когда наступят сумерки, ждать съ Соней и Лизой Собачкой у дверей залы! Рано или поздно их откроют; тогда свѣтъ ударитъ по глазамъ, мама смѣясь, будетъ цѣловать, а въ дверяхъ напротивъ друзья – Романы, Оедоты, и знаменитый бѣгунъ Ваня-Ахиллесъ, котораго привозятъ иногда въ гости изъ сосѣдняго села.

Этотъ вечеръ принадлежитъ дѣтямъ. Если-бъ взрослые захотѣли читать, работать, разговаривать, – изъ этого ничего-бы не вышло. Какъ угорѣлыя носятся дѣти по всему дому, состязаясь съ бѣгуномъ Ваней. Какъ они пылаютъ! Сколько азарта, нерва въ этихъ взвизгивающихъ рожицахъ, какъ страшно притаиться за угломъ и ждать, пролетитъ-ли Ахиллесъ мимо, или цапнетъ. А потомъ травятъ Ахиллеса, подстерегаютъ, вступаютъ въ союзъ, чтобы поймать его.

Такъ проходитъ первый день. Но за нимъ есть еще второй, третій, Новый годъ, Святки. Придутъ еще ряженые, всегда одни и тѣ-же козы, медвѣди и лошади. Въ свободные дни, надъ которыми Лина пока невластна, можно будетъ почитать Донъ-Кихота, сидя съ ногами на диванѣ, мечтая о неизвѣстныхъ странахъ и людяхъ. Въ тишинѣ этихъ грезъ, впервые и едва видимо проступятъ какіе-то виды – дальше игра и бѣготни. И не разъ дѣтское сердце, очарованное книгой, заглянетъ въ трепетъ въ область взрослыхъ, – туда, куда путь ему еще заказанъ.

Х.

Съ вечера всѣ были веселы; рассматривали старую «Ниву», спорили о рыцаряхъ, изображенныхъ верхами. Лиза Толстенъкая была за бѣлую лошадь.

– Мой конь, мой конь! – твердила она, мусоля пальцемъ бѣлаго рыцарскаго коня.

Сонѣ тоже больше нравился бѣлый и, какъ часто бывало, Женя остался въ меньшинствѣ.

На утро передъ уроками Лиза вдругъ заплакала.

Легла ничкомъ на диванъ, развела цѣлое озеро слезъ.

Трудно было добиться толку; наконецъ, поняли – она больна. Вспухло горло и температура поднялась до сорока.

Такъ началась скарлатина, обратившая домъ на полтора мѣсяца въ больницу.

Лизу Толстенькую быстро увезли. Ее закутали въ десятки шубъ, закрыли съ головой, положили въ возокъ и съ фельдшеромъ Астахомъ отправили на Шахту, рудную контору, куда ѣздилъ отецъ. Жаль было Лизу. Дѣти смотрѣли, какъ возокъ катилъ внизъ къ рѣчкѣ, какъ взбирался на той сторонѣ, мелькая черной точкой. Но скоро пришелъ и ихъ чередъ. Первой слегла старшая, Маня, гостившая послѣ Рождества, уже гимназистка. Черезъ недѣлю захворала Соня, потомъ Женя. Скоро всюду въ домѣ были спущены шторы, дѣти стонали въ жару, ихъ поили микстурами. Мучила рвота. Въ эти дни часто и надолго уходило отъ нихъ окружающее, и шла странная, темная, своя жизнь. Но въ нелѣпомъ хаосѣ безошибочно узнавали они маму въ бѣлой кофточкѣ.

Наконецъ, Маня начала выздоравливать. Ей читали вслухъ, и разъ какъ-то отецъ привезъ вѣсти о сучавшей Собачкѣ. Это были стихи, сочиненные для нея Астахомъ. Начинались они такъ:

«Вотъ вамъ, Лиза, «Вокругъ свѣта»,
«Почитайте пока это».

Женю-же въ это время еще отпаивали бульонцемъ. Онъ сталъ худъ, желтъ, печально сдиралъ онъ чешуйки съ рукъ и складывалъ въ кучки. Глядѣть на свѣтъ было больно – и въ полутемной комнатѣ онъ вспоминалъ о снѣгѣ, Лизѣ Собачкѣ, конькахъ, ружьѣ. Его очередь наступила не скоро.

Но выздоровленіе пришло, и ему надолго запомнилось то утро, когда въ первый разъ ему надѣли валенки, халатикъ, и стриженный, едва держась на ногахъ и хватаясь за печку, стулья, чтобъ не упасть,

// 22

онъ вышелъ въ сосѣдную комнату. Отсвѣтъ снѣга лежалъ на всемъ. Февральское солнце сіяло туманно. Съ крышъ капало. Онъ увидѣлъ подрядъ три комнаты, и въ послѣдней столъ, накрытый къ обѣду. Все было бѣлоснѣжно и прекрасно, точно, какъ и онъ, сняло сѣрыя чешуйки, показывая свою настоящую прелесть.

Рядъ знакомыхъ комнатъ показался Женѣ анфиладой, съ сіяющимъ, какъ для пира, столомъ. Отъ восторга онъ слегка^ш задохнулся. Что-то въ его сердцѣ трепетало; снова жизнь, еще милѣй и ослѣпительнѣе прежней, а тяжелое отошло.

Онъ пошатнулся. Прибѣжала мама, Дашенька.

– Мама, сказалъ онъ. – Я здоровъ.

И онъ повисъ на ней. Мама его цѣловала.

ХІ.

Взрослые не понимаютъ природы. Они не знаютъ весны, лѣта, осеняго очарованья. Все это для нихъ было, и жизнь ихъ охвачена равнодушіемъ.

Для ребенка природа есть просто часть собственнаго существованья. Съ весной онъ борется противъ зимы. Каждый удачный день для него радость, и онъ огорченъ, если въ началѣ апрѣля, при хорошей погодѣ выпадетъ снѣгъ.

Въ мартѣ улица передъ домомъ мутнѣла. Ноздреватый снѣгъ шуршаль, тая. Протыкались лошади, навозъ рыжѣлъ. По особенному кричали галки; девятаго марта пекли жаворонковъ.

И тогда опять трудно становилось учиться. Звало на улицу неяркое солнце, туманно млѣвшее въ испареніяхъ. Тронулись ручки; надо было ихъ расчищать.

Женя дѣлалъ это съ серьезностью и добросовѣстностью. Ему казалось, что онъ тоже помогаетъ веснѣ, милому и свѣтлому духу, вѣявшему кругомъ.

Когда въ полезность его труда не вѣрили, онъ сердился.

– Вѣдь вода скорѣй сойдетъ! – говорилъ онъ.

// 23

– И безъ тебя сошла-бы.

– А если я буду помогать, все-таки скорѣй.

Отецъ улыбался.

– Да кому это нужно?

– Ахъ, ты ничего не понимаешь.

Станный человекъ отецъ: ему все равно, наступитъ весна сейчасъ, или на два дня позже.

Ракиты у прясла выпускали пушки и краснѣли. Вдали, на рѣкѣ, проступала вода. Женя засматривался. Черезъ недѣлю, при такомъ ровномъ, блѣдномъ теплѣ, взломаешь ледъ, вода выйдетъ изъ береговъ и ночью будетъ слышенъ веселый шумъ – половодье. Онъ спускался къ сажалкѣ, смотрѣлъ, какъ взбухаетъ ледъ, какъ обтаяли откосы и подъ солнышкомъ на нихъ пробивается крапива. Возвращался съ Шахты домой отецъ, – въ санкахъ, обвѣтренный и здоровый. Женя кидался къ нему, цѣловалъ въ свѣжіе усы и вмѣстѣ они вѣзжались домой.

– Скоро рѣчка? спрашивалъ онъ. – Скоро тронется? Черезъ два дня? Взрослые всегда не вѣрятъ.

– Куда тамъ, – отвѣчалъ отецъ, пуская синеватый дымъ – недѣлю продержится.

– Ты вотъ говорилъ, что нынче мой ручей замерзнетъ, а онъ и не замерзъ.

– Какой ручей?

– Главный.

– Главный ручей!

Отецъ усмѣхался.

Но скоро снѣгъ сошелъ, рѣчка вскрылась, мощный потокъ гудѣлъ подъ мостами, заливая по лугамъ шоссе, топя ивнякъ. Отецъ доходилъ до разлива, переѣзжалъ на лодкѣ съ рыжимъ Степаномъ, и на той сторонѣ ѣхалъ верхомъ.

Что за роскошь – плыть за отцомъ въ баркасѣ!

Здѣсь съ Женей былъ случай, взволновавшій всѣхъ. Баркасѣ отчаливалъ. Было видно, за рѣкой, какъ отецъ съ малымъ подѣзжаютъ верхами къ водѣ.

// 24

Женя прыгнулъ въ лодку; Степанъ съ мужикомъ двинулись на шестахъ. Весело было проплывать надъ кустами, которые гнуло напоромъ, видѣть, какъ несутся льдинки; слушать шумъ могучей воды.

Такъ добрались до середины. Справа мостъ на сваяхъ, подъ него бьетъ, ревя, стремя. Видно, какъ отецъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее работнику. Вдругъ берегъ, отецъ, деревья за нимъ начинаютъ нестись влѣво, по горизонту, Степанъ налегъ на шесть, мужикъ возится, но берегъ летитъ все быстрѣе. Женя оглядывается. Степанъ блѣденъ. Мужикъ тоже растерялся. Впереди въ двадцати шагахъ мостъ, гулъ

воды въ сваяхъ. Хочется крикнуть, позвать маму. Но поздно. Съ размаху лодка бьетъ о первую сваю, о вторую, мужики беспомощно хватаются за нихъ. Еще ударъ. Дощаникъ скрипитъ, медленно клонится. Женя сидитъ на днѣ, надъ нимъ сваи и балки моста, темнота... перевернется-ли? Мужики отпихиваются изо всѣхъ силъ. Гдѣ отецъ съ лошадьми, гдѣ дымъ его папироски? И вдругъ сейчасъ ничего не будетъ? Гдѣ мама?

Мама изъ далекаго дома видитъ все, и уже она бѣжитъ, задыхаясь, внѣ себя, къ разливу. Не успѣть!

Счастливый поворотъ, – лодку стрѣлой выноситъ изъ подъ моста, и снова шесты дѣйствуютъ, опять виденъ отецъ, и черезъ пять минутъ по заводи они плывутъ къ берегу. Женя все не можетъ сѣсть на лавочку; передъ глазами зеленые круги.

Черезъ часъ дома слезы, ласковые упреки, тишина, отдыхъ.

Больше встрѣчать отца не придется!

ХІІ.

Весна, лѣто. Время молодой жизни, когда для дѣтей все сливается въ ласковый привѣтъ неба, воздуха, солнца. Когда дни кончаются такъ же легко, какъ встаетъ утромъ солнце, – оставляютъ въ душѣ длинный, свѣтящійся слѣдъ.

// 25

Этихъ дней уже нѣтъ. Не пахнетъ уже такъ рѣка съ ивнякомъ. Нѣтъ тѣхъ игръ, нѣтъ вечернихъ коростелей, закатовъ за Высоцкимъ заказомъ, нѣтъ отца на дрожжахъ, Вальтона, Масетки; нѣтъ стада, входящаго вечеромъ въ деревню, золотистой пыли подъ вербами, Дашеньки, Гришки.

И не будетъ никогда ружья, стрѣльбы въ воробьевъ, верхового конька Червончика, на которомъ можно ѣздить въ обраткѣ, а онъ нейдетъ изъ дому – домой-же мчится вскачь и его нельзя удержать. Не будетъ охоты съ Гришкой въ Сопѣлкахъ, когда удрала Коза съ дрожками, и пришлось идти домой пѣшкомъ, за пять верстъ, лѣсомъ, въ темнотѣ; было страшно, и къ концу Женя такъ усталъ, что Гришка взялъ его на закорки; съ ружьями, парой убитыхъ утокъ, въ

одиннадцатомъ часу они плелись по деревнѣ – маленькій на большомъ, дремля, измученные и несчастные.

Все это было такъ давно, что легендой вѣтъ отъ воспоминаній; и, кажется, что уже нѣтъ и самага села, и дома, и другія поля, другіе лѣса вокругъ, другіе люди живутъ на томъ мѣстѣ. Но изъ сѣдой были человѣческое сердце слышитъ все тотъ-же привѣтъ – чистый и прозрачный. И жизнь идетъ далѣе.

ХІІІ.

Въ серединѣ зимы отца перевели на сосѣдній заводъ, версть за сорокъ. Сперва уѣхалъ онъ самъ, потомъ начались сборы и укладыванья семьи. Въ комнаты натащили ящиковъ, и началось разрушеніе. Горько было видѣть, какъ со стѣнъ снимали фотографіи, зашивали въ рогожу диваны, сдирали портьеры. Милый, старый домъ, съ которымъ многое уже было связано, разоряли. И вмѣстѣ со спрятанными солдатиками, съ рисунками лошадей, козъ, удалялась часть жизни, еще такая малая и юная, но уже дававшая о себѣ знать.

За день до отъѣзда Женя прощался съ друзьями,

// 26

съ играми, съ любимыми мѣстами. Онъ обошелъ на лыжахъ большой садъ, сошелъ къ сажалкѣ; какъ всегда, незамерзающимъ ручьемъ бѣжала оттуда вода. Вотъ развалины сахарнаго завода, откуда съ Собачкой и Соней они носились по отвѣсному скату на лыжахъ; налѣво церковь, погостъ, и внизу луга – такіе безбрежные и ясные лѣтомъ, а сейчасъ это бѣлая равнина. Онъ хотѣлъ-было съѣхать на лыжахъ съ горки, въ послѣдній разъ, но что-то защемило въ сердцѣ и, вздохнувъ, онъ вернулся домой.

Ужинали при свѣчахъ – лампъ уже не было. Голыя стѣны, натоптанные полы, черныя окна. Женя поскорѣй легъ спать. Но и заснуть долго не могъ. Всталъ онъ на другой день блѣдный и печальный.

Было уже подано двое саней. Мужики собрались провожать. Изъ дому тащили послѣднія вещи и грузили на подводы. Въ кухнѣ Дашенька плакала, цѣлуясь со своими пріятельницами съ Поповки, «женами муриносицами».

Соню и Женю одѣли въ полушубки, завернули въ тулупы, – какъ безмолвныя туши были они втиснуты въ сани. Скрипѣль снѣгъ, солнце блестѣло. Больно было глядѣть отъ свѣта. На поворотѣ, въ околицѣ стояли группой мальчишки и кланялись. Женя вспомнилъ, что онъ ничего не подарилъ на память Настасѣ, игравшей съ нимъ преданно, и вздохнулъ.

Но было поздно. Лошади, хорошо кормленныя передъ дорогой, шли бойко; сіяла снѣжная равнина, въ лицо изъ подъ копытъ летѣли комья – тройка дружно внеслась на мостъ, гдѣ прошлой весной Женя терпѣль аварію. Высунувшись, насколько могъ, онъ обернулся: вдали на горѣ бѣлѣль двухэтажный домъ, у околицы какъ будто копошились фигурки. Горло Жени сжалось. Чтобы не выдать себя и разсѣяться, въ меланхолическомъ изліяніи, онъ замурлыкалъ:

«Дорогія мнѣ мѣста, гдѣ я про-жилъ годы дѣтства.

// 27

«Васъ увижу-ли когда, иль поки-ину на-авсегда?»

слова стараго романса, который онъ недавно слышалъ.

– Не пой, сказала мама, улыбнувшись: простудишь горло.

Онъ напѣвалъ про себя, и все время ему хотѣлось плакать.

XIV.

Жизнь на новомъ мѣстѣ оказалась не хуже, если не лучше прежней. Правда, не было старыхъ друзей – Вальтона, Настасьи. Лизу Собачку увезли къ родителямъ. Но явилось и то, чего раньше не было.

Здѣсь отецъ управлялъ заводомъ. Ему отвели огромный домъ, куда можно было вмѣстить два прежнихъ, на берегу озера. На полторы версты шла ровная снѣжная скатерть; на горизонтѣ лѣсь синѣль. За гигантской плотинной лежалъ заводъ, чернѣли крыши, двумя огромными столбами возвышались доменные печи. Все это было необыкновенно и привлекательно. Нѣсколько разъ отецъ бралъ съ собой Женю на заводъ. Они выѣзжали въ «дежуркѣ», у воротъ завода сторожа подобострастно кланялись отцу – и дальше они попадали въ казавшееся Женѣ ужаснымъ царство печей, огней и желѣза. Въ одномъ мѣстѣ билъ молотъ по раскаленной мягкой глыбѣ; вздыхая, она осѣдала, стрѣляя золотыми звѣздочками. Въ прокатныхъ вальцахъ

вытягивались огненно-красныя ленты; это будущія рельсы. Литейщики ждали выпуска чугуна, и когда отворялась утроба домны, оттуда лился ослѣпительный металл, отъ одного прикосновенія къ которому загорались щепки. Рабочіе подбѣгали къ струѣ, подставляли черпаки, и рысью, покачиваясь, чуть не расплескивая жидкость, бѣжали къ опокамъ, выливая туда чугунъ.

– Въ прошломъ году былъ случай, говоритъ отецъ: одинъ залилъ себѣ за сапогъ. Теперъ мы не позволяемъ въ сапогахъ ходить.

// 28

Женя блѣднѣлъ, представляя себѣ сожженную ногу, крѣпче держался за отца. Послѣ всѣхъ этихъ литейныхъ, механическихъ, ремонтныхъ – радостно было опять сѣсть въ санки и по чистому снѣгу катить мимо базарной площади, церкви, по набережной озера – домой. Вотъ на углу «господскій домъ» – отель для одинокихъ инженеровъ, гдѣ всѣмъ управляетъ толстенъкая Евдокія Ильинична. Красный домъ доктора, и, наконецъ, они у своего подъѣзда. Выбѣгаетъ старый Тимофеичъ, отстегиваетъ полость. И уже ждетъ обѣдъ, въ огромной столовой, передѣланной изъ зимняго сада, со стеклянной стѣной на озеро. Послѣ обѣда можно уйти наверхъ; верхній этажъ меньше нижняго – нѣчто вродѣ мезонина; но тамъ двѣ огромныя комнаты – Жени и Сони, и большая средняя, гдѣ трапеціи. Изъ Жениной снова видно озеро. Оно тянетъ къ себѣ взглядъ ровной бѣлизной, великимъ спокойствіемъ снѣга, умиряющаго заводскій гомонъ. Въ этой свѣтлой теплой комнатѣ можно мечтать, глядя на дальніе лѣса, рисовать, ожидая, что вотъ нарисуешь что-нибудь замѣчательное – и незамѣтно снѣжное поле засинѣетъ, настанутъ сумерки, чай среди милыхъ сердцу, вечернее чтеніе «Краснаго кедра», «Дальняго Запада». Невѣдомые края, приключенія, охоты затолпятся въ мозгу, и станешь просить маму скорѣе послать въ уѣздный городъ мѣнять книжки – къ старому еврейчику, у котораго такой запасъ чудеснаго.

Когда ложатся спать, въ комнатѣ Жени розоватый отсвѣтъ. Это далеко, за плотиной, полыхаютъ надъ домнами языки газа; какъ два громаднѣхъ факела, будутъ они краснѣть всю ночь, освѣщая заводъ, село, бѣлое озеро.

Можетъ быть, ихъ увидитъ лось, если подойдетъ къ опушкѣ дальняго лѣса – и въ ужасѣ помчится назадъ. И, во всякомъ случаѣ, видны они на много верстъ ѣдущему темной ночью.

// 29

XV.

Вечеромъ въ субботу отецъ сказалъ: «завтра ѣдемъ на буерѣ». Женя радостно волновался, а утромъ, проснувшись, увидѣлъ на озерѣ трехугольную платформу на конькахъ, съ парусомъ. Толпились любопытные, у мачты возился полковникъ Говардъ, начальникъ мастерскихъ – человѣкъ лысый, веселый и рѣшительный.

Одѣваться и пить чай при такихъ условіяхъ было трудно. Какъ никакъ, это то-же самое, что описано у Жюль Верна въ «Вокругъ свѣта въ 80 дней».

Отецъ тоже былъ веселъ, смѣялся и говорилъ: «Ну, Говардъ, не завезите насъ въ полынью».

– Перескочимъ.

Однако, Говардъ какъ разъ былъ знаменитъ неблагоразуміемъ; недавно былъ случай, когда онъ на сѣрой кобылѣ чуть не провалился въ воду.

Наконецъ, буеръ готовъ, отецъ съ Женей садятся на платформу, на руль Говардъ. Сначала толкаютъ двое рабочихъ; медленно, и какъ-то вяло, подъ напоромъ вѣтра, плыветъ зимній корабль, чертя коньками. Вотъ обширная лысина, съ которой снѣгъ слутъ. Сразу буеръ подхватываетъ, дышать труднѣй, но какой легкой, волшебный полетъ! И теперь неважно, снѣгъ дальше или ледъ, какъ вырвавшаяся птица летитъ снарядъ въ бѣломъ просторѣ, и лѣсъ на той сторонѣ растетъ, выступаетъ, вотъ видна уже лѣсопилка. Перекинуть парусъ – буеръ выпишетъ дугу, и пойдетъ назадъ, но уже тише, лавируя подъ вѣтромъ зигзагами.

– Замерзъ? спрашиваетъ отецъ.

Женя храбрится, но въ сущности ногамъ холодно. Черезъ полчаса они возвращаются, Говардъ катаетъ немного дѣвочекъ, а потомъ идутъ завтракать. Отецъ съ Говардомъ пьютъ водку, крикаютъ и рассказываютъ охотничьи исторіи. Маня, пріѣхавшая передъ праздниками изъ гимназіи, слушаетъ ихъ пренебре-

жительно. Она теперь взрослая, учится в Ригѣ и на полках у ней стоит Гете по нѣмецки. Соничка съ Женей забираются къ ней наверхъ. Маня мечтаетъ о курсахъ, черезъ два года ей хочется въ Петербургъ; но родители не знаютъ еще объ этомъ, и на мягкомъ диванѣ, при трескѣ камина идутъ долгіе рассказы о незнакомой жизни въ большомъ городѣ, студентахъ, учителяхъ.

Приходитъ Зина, Манина подруга, дочь завѣдующаго конторой. Разговоръ быстро сходитъ на «умное». Всѣ республиканцы. Почему должна быть республика?

Потому что нельзя давать власть одному; сто человекъ вѣрнѣе не ошибутся. Соничка тоже настроена радикально, и входя со своей косицей подростка, говоритъ: «Не понимаю я этихъ консерваторовъ».

Женѣ хотѣлось бы поспорить; отчасти онъ смущается, а кромѣ того, ничего не знаетъ въ этомъ дѣлѣ. Все таки онъ защищаетъ монархію; аргументъ такой: у Эмара онъ вычиталъ, будто въ американскихъ республикахъ избирателей подкупали. Дѣвочки нападаютъ, и онъ разбить довольно быстро. Кромѣ того, ничего не возразишь, что одному ошибиться легче, «чѣмъ Конвенту», какъ говоритъ Маня.

Но разбитіемъ онъ не очень огорченъ. Вечеромъ срисовываетъ «типы домашнихъ животныхъ» и мечтаетъ о пробѣ своихъ силъ на лицахъ: скопировать-бы мамину карточку, или Чичикова изъ альбома Боклевскаго. Вдругъ «выйдетъ замѣчательно».

XVI.

И снова смѣняются днями дни, летитъ невозвратное время среди работъ, игръ, младенческихъ мечтаній.

На Святкахъ здѣсь еще шумнѣе, чѣмъ было раньше. Пріѣзжалъ на заводъ циркъ – Женя съ Соничкой увлекались имъ до одури. Каждое представленіе были они въ балаганѣ; пахло лошадьми, опилками арены, дымили желѣзныя печурки. Въ полушубкахъ, горя и блестя глазами, сидѣли дѣти въ первомъ ряду.

Имъ казалось все это беспредѣльно острымъ, азартнымъ и прекраснымъ; до остервенѣнія хлопали они наѣздницѣ Элѣ, и вернувшись, въ большой залѣ разыгрывали пантомимы, кувыркаясь, визжа.

Лишь одно смущало немного Женю: слухи о гимназіи. Далекое, верста за полтора (если ѣхать на лошадяхъ), былъ губернской городъ, и насколько онъ понималъ, будущей осенью тронуть туда всѣхъ дѣтей. Соничка начала уже готовиться. Къ ней ходила фельшерница Мясова, съ круглыми блестящими глазами и запахомъ больницы, и рѣшала безчисленныя задачи. Женѣ нравилась эта плотная, чистая дѣвушка, но и смущала нѣсколько аккуратностью и непреклоннымъ блескомъ глазъ. Женя думалъ, что она безъ запинки можетъ рѣшить всѣ задачи въ мірѣ. Съ нимъ она проходила именованныя числа.

Онъ не понималъ, къ чему все это. Лучше-бъ кататься на конькахъ, рисовать, вертѣться на трапеціи, ходить въ циркъ. Но разъ ужъ заведено, что надо рѣшать задачи – онъ рѣшалъ. Проводивъ Мясову, вздыхалъ съ облегченіемъ, и шелъ спрашивать отца, поѣдутъ-ли завтра кавалькадой.

Дѣлать это удобнѣй всего было въ мартѣ, когда теплѣло, чернѣла дорога, и озеро вздувалось. Къ крыльцу подавали лошадей: гнѣдого Нѣмца Женѣ, – отцу Скромную. Волнуясь, лѣзъ Женя на коня. Тимофеичъ держитъ стремя, гдѣ-то кричатъ грачи, новый другъ, мальчишка Громъ, глядитъ изъ кухни, ковыряя въ носу. Образецъ ѣзды въ отцѣ. Главный его завѣтъ – не разставлять врозь носковъ, подыматься въ тактъ. – Вотъ къ нимъ присоединились у господскаго дома Говардъ на сѣрой кобылѣ и механикъ Павелъ Аѳанасьичъ. Говардъ сидитъ кряжемъ, сѣрая кобыла его дурачится, и когда пускаютъ полной рысью, она вдругъ начинаетъ вертѣть хвостомъ, какъ крыльями мельницы.

– Говардъ, – кричитъ отецъ: – подбери кобылу!

Но Говардъ хохочетъ, Павелъ Аѳанасьичъ жа-

лобно подпрыгиваетъ, молотя сидѣньемъ по спинѣ своей лошади, – кавалькада идетъ рѣзво, навстрѣчу сырому весеннему вѣтру, вдыхая

очаровательный запах лужь, остраго мартовскаго навоза, и радуясь силѣ хода.

Разные случаи бывали въ этихъ поѣздкахъ: скакали по чистому полю, перепрыгивали черезъ канавы; разъ Павелъ Аѳанасьичъ приподнялъ знакомому котелокъ, испугалъ лошадь, и отъ нея курбета легко и вѣжливо – самъ онъ всегда былъ такой – слетѣлъ внизъ головой въ грязь. Женинъ Нѣмецъ проткнулся на мосту, на полномъ ходу, и Женя съѣхалъ ему на голову. Чуть не всѣ падали, или ихъ носили лошади, обрызгивала хвостомъ кобыла Говарда – но всегда смѣхъ, счастье силы и ловкости владѣло ими, и какъ мартовскій вѣтеръ овѣвало бодростью.

Женя возвращался усталый; у него ныли ноги и руки вздрагивали; но это было ничто въ сравненіи съ азартомъ ѣзды.

XVII.

Съ конца марта чуть ни каждый вечеръ ѣздили на тягу. Говардъ, въ черкескѣ, съ газырями и двустволкой черезъ плечо, мчался впередъ на своей кобылѣ. Женя съ отцомъ въ телѣжкѣ, Павелъ Аѳанасьичъ въ дежуркѣ. Ыхали вдоль плотины; на шлязахъ гудѣла вода, прудъ синѣлъ, медленно поплескивая у берега; вдали виднѣлись лѣса, и въ ихъ дебряхъ терялось озеро, среди камышей, кувшинокъ, болотъ; что-то гомерическое было въ этомъ озерѣ; казалось возможнымъ, что за его истоками лежатъ лѣса Дальняго Запада, или живутъ Гуроны, ирокезы, какъ вокругъ Эри и Онтарио.

То, что на охоту ѣздили вооруженнымъ отрядомъ, усиливало впечатлѣніе первобытности.

За озеромъ подымались въ гору, сворачивали на дорогу къ Горской мельницѣ и на опушкѣ большого лѣса слѣзали. Тяга будетъ надъ мелочами. Въ

// 33

прогалинахъ осинника, вдоль ручья, у всѣхъ были свои излюбленныя мѣста. Павелъ Аѳанасьичъ забывалъ пистоны, или у него былъ испорченъ шомполь. Онъ конфузливо просилъ, охотники поддразнивали.

Сквозь осинникъ краснѣла заря; остатки снѣга таились въ ложкахъ, тихо тая; кажется, можно было слышать ихъ умиранье; голубѣль подснѣжникъ, чернышъ токоваль вдали. Мирный вечеръ, первая звѣзда на блѣдномъ небѣ, запахъ влаги, бѣгъ робкаго зайчика, огонекъ отцовской папироски! Это весна, молодость – это невозвратно.

Хоркая, съ присвистомъ, тянуть надъ лѣсомъ вальдшнепы. Бѣдныя птицы, – гонимыя любовью, онѣ въ сладкихъ сумеркахъ встрѣчали любовь рѣдко, а чаще – смерть. Блисталь огонь сквозь деревья – вальдшнепъ дѣлаетъ боковой вольтъ, какъ безумный мчится онъ въ сторону. Вѣрно онъ раненъ, но тогда не дастся уже въ руки. Гдѣ нибудь въ тайной лощинкѣ, вздрагивая крыльями, съ каплей крови на длинномъ носу онъ встрѣтитъ послѣдній часъ. Или онъ замеръ въ воздухѣ – значитъ «готовъ», какъ говорятъ охотники – камнемъ валится внизъ.

Все это волновало; съ увлеченіемъ стрѣляль Женя, дрожаль отъ ожиданья, но почти всегда неудача; почти всегда. Онъ запоминаль число промаховъ, страдалъ, выводилъ процентное отношеніе къ числу удачъ, но всегда выходило, что онъ безнадежно бездарный охотникъ. Такъ, мазило.

Возвращались въ темнотѣ. Звѣздъ было уже полное небо; острѣй пахло весной; ручьи шумѣли, издалика открывались огни завода и торжественныя отраженія ихъ въ пруду. Ужиная дома, ѣли свѣжую редиску изъ парниковъ, отецъ съ Говардомъ пили водку и рассказывали о былыхъ временахъ, еще болѣе блестящихъ и страшныхъ охотахъ, медвѣдяхъ, лосяхъ.

Сестры относились къ охотѣ съ презрѣніемъ. Вальдшнеповъ, однако, ѣли всѣ.

// 34

XVIII.

Свѣтлый майскій день. Прудъ блѣдно голубѣеть, заводскій дымъ треплется въ тепло въ вѣтрѣ. Женя смотритъ съ балкона на озеро. Въ залѣ, внизу играетъ на рояли гувернантка Софья Ивановна. Женя представляетъ себѣ ея милую фигуру – съ большими, музыкальными руками, запахомъ духовъ, и ея музыка еще прекраснѣй. Опершись щекой о перила, глядя въ синеву, можно мечтать разымчиво и

безбрежно – какъ просторъ этотъ лежокъ, какъ благоуханень воздухъ! О чемъ мечтаетъ человекъ? О томъ, какая будетъ жизнь, кѣмъ онъ будетъ. Вдругъ онъ сдѣлается художникомъ, и сумѣетъ рисовать «съ натуры» портреты? Или встрѣтитъ... кого-то. Ту, которой еще не знаетъ, но которая гдѣ-то есть – взглянувъ на нее, можно сторгѣть отъ стыда и радости. Нѣчто въ ней – и отъ Софьи Ивановны.

Съ вѣтромъ донесся звонъ. Колокола мѣшаются съ музыкой, на припекѣ кудахтаютъ куры по весеннему – нынче воскресенье, оттого всѣ и веселы. Сбѣжавъ внизъ, Женя ждетъ среди струящихся березокъ почтальона. Сегодня принесутъ журналъ, Жюль Верна. Этотъ день очень интересень. Прощлый разъ колонисты отправились на сосѣдній островъ; тамъ нашли страннаго одичавшаго европейца. Неужели это Айртонъ?

Въ двѣнадцать почтальонъ является. Къ сожалѣнію, надо обѣдать; зато послѣ обѣда, забравшись на диванъ съ ногами, холодѣя отъ волненія, глотаешь онъ Айртона. Какъ жаль, жаль, что мало! Конечно, это Айртонъ, высаженный въ наказаніе на пустынный островъ, но кто-же извѣстилъ колонистовъ? Откуда бутылка, указаніе долготъ?

Отъ возбужденія надо пройтись. Можно бродить въ аллеяхъ, въ паркѣ, среди нестарыхъ зеленыхъ липъ. Еще лучше – ухъать въ лодкѣ. Для этого надо взять друга Грома, ключи, скользнуть незамѣтно,

// 35

чтобы кто-нибудь изъ взрослыхъ не помѣшалъ. Къ четыремъ прудъ затихаетъ, становится свѣтлымъ зеркаломъ; чуть двигая веслами, можно гнать долбленку довольно быстро. Минуя село, выѣдешь къ лѣсу, пристанешь у песчаной косы. Тутъ дивный воздухъ; лежа на спинѣ, среди елей, на мягкомъ мху, видишь, какъ летаютъ рыболовы. Громъ, подсучивъ штанишки, ловить подъ корягами раковъ. Вдали пытитъ лѣсопилка, съ плеса въ камышахъ поднялась пара утокъ. Дятель долбитъ ель; пролетитъ сиворонка.

Лежать-бы до вечера, любуясь озеромъ, собирая рѣдкіе камешки, да хватятся къ чаю, мама будетъ безпокоиться. Надо ѣхать. И плывутъ снова. Вечерній чай пьютъ на нижней террасѣ. Софья Ивановна съ Соничкой щелкаютъ шарами на крокетѣ. Громъ отворилъ фонтанъ; въ блескѣ заходящаго солнца играетъ его струя.

– Женя, – говорит Софья Ивановна, улыбаясь и щура глазъ: а вы знаете слова къ завтрашнему?

Женя слегка смущень.

– Я выучу, Софья Ивановна, обязательно.

Она щекочетъ его большой мягкой рукой по щекъ.

И, конечно, онъ выучить. Софья Ивановна не знать урока неприятно.

XIX.

Съ прїездомъ Жука веселые дни кончились. Это былъ маленькій черный философъ украинофильскаго вида, приглашенный для латыни. Онъ былъ добраго нрава; жилъ во флигелъ, Жукомъ звался за размъръ и черноту и все было-бы хорошо, если-бы не учебники Кюнера, не спряженія и десятки словъ, которыя приходилось учить. Съ грустью глядѣлъ теперь Женя на озеро, лодку; изъ за Жука вырисовывался вдали неизвѣстный городъ, казавшійся громаднымъ и страшнымъ, гимназія, учителя, жуткій и ненужный трудъ. Отвѣчая урокъ, путаясь въ словахъ и крас-

// 36

нѣя, онъ смотрѣлъ изъ прохладнаго флигелька на цесарокъ, копошившихся въ пыли – и хотѣлось удрать куда-нибудь въ паркъ, рѣзать липовые побѣги и выдѣлывать изъ нихъ свистульки.

Но задумаясь, и какъ разъ собьешься въ склоненіи, – третье склоненіе развѣ легко!

Онъ уставалъ, худѣлъ, падалъ духомъ. Первый мѣсяць работы былъ особенно трудень. Лишь одинъ день выдался необычайный. Съ утра Женя раскись, всталъ съ больной головой, и ему позволили не учиться.

Шель дождь – сильный, теплый. Онъ стоялъ на своемъ балконѣ, смотрѣлъ на озеро, дымившееся брызгами, вздыхалъ, а потомъ неожиданно пошелъ въ комнату и взялъ Тургенева. Случайно открылась «Первая любовь». Онъ читалъ медленно, неохотно вначалѣ, потомъ забылъ хворость, Жука, гимназію, даже Жюль Верна, и читалъ

послушно, не себѣ уже принадлежа, улыбаясь про себя, краснѣя. Было-бы очень неприятно, если-бѣ кто-нибудь вошелъ. Но въ огромномъ домѣ тихо; черезъ два часа онъ кончилъ, вскочилъ, и побѣжалъ внизъ. Все такъ-же не хотѣлось ни съ кѣмъ встрѣчаться, – быть одному со своимъ сердцемъ. Дождь пересталъ. Листва казалась нѣжно-вымытою, блѣдно-зеленоватый туманъ стоялъ въ паркѣ; было сыро, тепло, падали капли съ листьевъ. Женѣ казалось, что онъ былъ влюбленъ въ Зинаиду, что на оранжереѣ сидѣлъ онъ, и прыгнулъ, и Зинаида его поцѣловала, и съ кадетомъ онъ игралъ, и до боли видѣлъ онъ рубецъ отъ хлыста на ея рукѣ. Этотъ ударъ вызывалъ такое страданіе, что невидимаго, неизвѣстнаго отца онъ готовъ былъ убить. Да, конечно, онъ прыгнулъ-бы и съ гораздо болѣе высокой оранжереи, и у ногъ Зинаиды онъ умеръ-бы съ гордостью и радостью.

И со свѣтлой тоской въ сердцѣ, съ наворачиваю-

// 37

щейся слезой бродилъ онъ въ зеленомъ саду; весь этотъ день окрасился для него блѣдно-зеленоватымъ. А видѣніе – Зинаида – осталась на всю жизнь. Это была первая великая радость искусства.

XX.

Утромъ, въ четыре, Тимофеичъ разбудилъ отца и Женю. Они спали въ кабинетѣ; Женя на диванѣ, отецъ на кровати. Вѣтерокъ съ озера вздувалъ занавѣси, только-что показалось солнце. Хотя глаза слипаются, но нельзя не быть въ восторгѣ отъ этого утренняго благоуханія, отъ теплаго золота и сознанья, что ѣдутъ на охоту. Наскоро умывшись, пьютъ чай на балконѣ. Здѣсь еще холодокъ, садъ въ матовой росѣ. Бѣлый хлѣбъ съ масломъ, чай со сливками. Съ озера слышенъ свистокъ: это «Капитолина», пароходъ, на которомъ ѣдутъ. Значить, пора. Хотя пароходъ свой, заводскій и уйти безъ нихъ не можетъ, Женѣ кажется, что они опоздаютъ, и волнуясь торопятъ онъ отца.

– А экстракторъ взялъ? говоритъ отецъ. – Да пистоновъ захватывай, навѣрно пригодятся Павлу Аѳанасьичу.

Смѣясь, они быстро идутъ съ ружьями и патронташами къ пристани. Старая Норма^[2] бѣжитъ косою побѣжкой, морща носъ. На

борту Павелъ Аѳанасиичъ, Говардъ и кузнечный мастеръ Дрезе. Это черный добродушный человекъ съ волосатыми руками.

– Ну, пора-же, пора, говоритъ онъ здороваясь. – Ну надо-же ѣхать, а то-же опоздаемъ и къ уткамъ.

«Капитолина» отваливаетъ. Проплываютъ вдоль берега, мимо купальни и дома, гдѣ сейчасъ спитъ мама, Соничка, во флигелѣ – Жукъ, – и подъ мѣрное бормотанье колесъ идутъ вглубь озера, въ безлюдные притоны утокъ, бекасовъ и дупелей. Женѣ кажется, что Павелъ Аѳанасиичъ – разсѣянный астрономъ Николай Полландеръ, Говардъ – Джонъ Муррей, а отецъ – полковникъ Эверестъ и они ѣдутъ къ вер-

// 38

ховьямъ рѣки Оранжевой, измѣрять дугу меридіана.

Чась, два плывутъ по голубымъ водамъ. Скрылся заводъ, вода сузилась, ближе подошли лѣса и чаще сплошные ковры кувшинокъ; иногда «Капитолина» разсѣкаетъ ихъ даже.

– Я-же на этомъ островочкѣ прошлый годъ десять штукъ взялъ! Николай Петровичъ, тутъ-же выводочку быть да быть!

Убавляютъ ходу, отвязываютъ лодки, и Дрезе съ охотникомъ Яшкой «берутъ» островъ. Обѣзжаютъ его сбоку, а «Капитолина» обходитъ съ другой стороны. По берегу, въ камышѣ, бредетъ собаченка Дрезе. Слышна его брань, свистъ, всплески весель, но утокъ нѣтъ.

У борта Женя съ отцомъ зѣваютъ.

Островокъ прошли. Подплываетъ Дрезе, ругаясь на собаченку.

– Ну я-же такъ и зналъ, что тутъ ничего нѣтъ! Ну зачѣмъ-же было задерживаться!

– Вы-же сами хотѣли!

– Я-же тутъ выводочекъ взялъ, а теперь ни одной утеночки!

– Хе-хе, – смѣется Говардъ: вы, Дрезе, извѣстный счастливецъ!

– Если-бы я зналъ-же, я-бъ не остановился! Только время-же теряемъ.

Плывутъ дальше. Въ верховьяхъ, у мельницы, гдѣ собственно и начинается охота, пароходъ пристаетъ. За мельницей тоже пруды, но тамъ надо ѣхать уже въ лодкѣ. Разыгрывается день, солнце слѣпится, на темносиней водѣ качаются челноки, и кой-гдѣ бѣлѣетъ барашекъ. Вѣтеръ озерный – пахнетъ болотомъ и рыбой. Подойдя къ камышамъ,

сталкиваютъ Норму въ воду. Она брызгаетъ, барахтается, но скоро охотничій азартъ захватываетъ ее и рѣзво шмыгаетъ она въ осокѣ, туряя утокъ. Павелъ Аѳанасичъ идетъ берегомъ, – ему придется стрѣлять въ летъ. Вдругъ

// 39

онъ видитъ двухъ утятъ, бурно шлепающихъ по водѣ отъ берега. Онъ цѣлится.

– Не стрѣляйте-же, не стрѣляйте! кричитъ Дрезе.

Павелъ Аѳанасичъ ведетъ ружьемъ за ними.

Дрезе падаетъ на дно лодки.

– Дрезе подстрѣлите, что вы дѣлаете!

Онъ обертывается. Это кричитъ отецъ.

– Почему-же? Я не понимаю!

Какъ всегда онъ вѣжливъ, и какъ будто въ перчаткахъ.

– Отъ воды отразится – весь зарядъ въ него закатите!

– Ахъ, вотъ какъ, а я не сообразилъ!

Дрезе подымается изъ лодки.

- Ну и что-же это такое, вы-же сынишку сиротой сдѣлаете!

Въ полдень завтракаютъ на берегу. Бутерброды, огурцы, ветчина кажутся такими вкусными. Печетъ солнце; Норма съ порѣзаннымъ носомъ тяжело дышитъ, вся въ грязи, мокрая. Охотники пьютъ водку.

– Плохи стали мѣста энти, говоритъ Яшка. – Тутъ бы гору птицы надо набить.

Онъ уныло взглядываетъ на нѣсколько утятъ и селезня.

Дрезе сердится.

– Ну я же такъ и говорилъ!

Послѣ завтрака снова шарятъ въ камышахъ; собаки устали и лазаютъ лѣниво. Утокъ мало. Для развлечения Женя съ Павломъ Аѳанасичемъ палятъ въ ястребовъ, рыболововъ, но все мимо.

Дома они для практики стрѣляютъ въ бросаемя бутылки и шарики. Теперь Дрезе дразнить ихъ.

– Это же вамъ не щепочки, Павелъ Аѳанасичъ!

– Вы, Павелъ Аѳанасичъ, лучше-бы ужъ въ Дрезе попробовали, смѣется отецъ.

День быстро проходитъ. Синѣ волны, чайки бѣлѣй на этой синевѣ, и сильнѣй усталость. Какъ ни какъ, надо плыть на мельницу. И пока добираются,

// 40

пока пьютъ чай и закусываютъ, разводять пары на «Капитолинѣ», солнце, краснѣя, касается горизонта. Удятъ рыбу, болтаютъ съ мельникомъ. Наконецъ, въ розовыхъ сумеркахъ, отплываютъ. Какъ фламинго, стоитъ на болотцѣ цапля, и ее спугиваетъ пыхтѣнье парохода. Ёдутъ долго. Становится прохладно, сыро, глаза тяжелѣютъ отъ утомленія. Но передъ взоромъ далекая вода, все расширяющаяся, и уже скоро откроются знакомые маяки. Вышла луна и безмолвнымъ свидѣтелемъ стоитъ сбоку, сопровождая бѣгъ «Капитолины». Ея тусклое сіянье, сквозь слегка туманящійся воздухъ, даетъ оттѣнокъ грусти и загадочности.

Женя, сидя на носу, думаетъ, что черезъ мѣсяць все это уйдетъ, можетъ быть, навсегда. Его клонить ко сну, сердце жметъ тоска; отецъ кутааетъ его.

XXI.

Быстро прошелъ іюль, половина августа. Среди латинской зубрежки ѣздили за тетеревами, но покой и ясность деревенской жизни были утеряны. Ложась спать, Женя думалъ объ экзаменахъ, о городѣ; его волновалъ близкій отъѣздъ и разлука съ родными.

Рѣшено было, что мать свезетъ въ городъ Соню съ Женей, найметъ маленькую квартиру и они поселятся подъ присмотромъ Дашеньки.

И вотъ, пожелавъ успѣха Женѣ, уѣхалъ Жукъ. Наступилъ день отъѣзда. Долго укладывались, соображали не забыть бы чего, и десятаго августа, въ прохладное утро тронулись. Верстъ тридцать надо было проѣхать по своей, узкоколейной дорогѣ, далѣе на лошадяхъ. Женя помнилъ влажную отъ росы платформу ихъ станціи, «директорскій» вагончикъ, куда ихъ усаживали, отца, озабоченнаго и печальнаго. Когда Женя поцѣловалъ его въ послѣдній разъ въ рыжеватые усы, горло его сдавило и онъ бросился въ вагонъ. Поѣздъ задрезжалъ. Мелькнула фигура отца, потомъ заводъ потянулся, и

поѣздъ поползъ въ гору – ту самую, куда ѣздили на тягу. Чѣмъ дальше уходилъ

// 41

онъ, тѣмъ шире и синѣй развѣтывалось озеро, село, и завиднѣлся на той сторонѣ домъ, такъ милый Жениному сердцу.

Лѣса уже начали желтѣть; въ раскрывавшемся видѣ, голубизнѣ озера и прозрачности далей было прощаніе.

Вотъ лежитъ сзади дѣтство, въ его тихой радости, и возврата къ нему нѣтъ. Поѣздъ взобрался на высшую точку, и громыхая, покатишь внизъ. Медленно, ровно опускались родныя мѣста, какъ-бы утопая. Женя прижался лбомъ къ стеклу и сдерживалъ слезы.

XXII.

Въ городѣ мама наняла квартирку въ три комнаты. Какъ убого это было! И какъ мрачно казалось все здѣсь.

Дуль сухой вѣтеръ, гналъ пыль и листья. Въ крошечномъ домикѣ, съ дворикомъ величиною съ ладонь надо было ждать экзаменовъ.

Тяжело вздыхая, послѣ плохой ночи всталъ Женя въ назначенный день. Пока шли съ мамой, было еще ничего-себѣ, но когда она оставила его въ огромномъ зданіи, гдѣ кишѣли дѣти, сновали учителя, онъ почувствовалъ, что погибъ. Самый запахъ крашенныхъ партъ, ранцевъ убивалъ его.

Плохо соображая, попалъ онъ наконецъ, въ классъ, гдѣ экзаменовали. Казалось, что его фамилію не назовутъ никогда. Просто о немъ забыли среди моря этихъ малышей, отъ которыхъ онъ ничѣмъ не отличался.

Наконецъ, блѣдный, полуживой, очутился и онъ у зеленого стола. Тутъ сидѣли батюшка и инспекторъ. Отъ волненія Женя барабанилъ пальцами по сукну, слегка вздрагивая.

– Гдѣ ты учился? спросилъ инспекторъ – острый, лысый человекъ на тонкихъ ножкахъ.

– Д-дома.

– Значить, тебя плохо воспитывали.

Золотое пенснэ инспектора вздрогнуло.

– А... что?

– Какъ «а что?» Что это за выраженіе, во-первыхъ? Развѣ такъ разговариваютъ со взрослыми? А потомъ, ты подходишь къ столу и начинаешь барабанить пальцами! Развѣ воспитанный мальчикъ позволить себѣ это?

Женя былъ оскорбленъ. Невоспитаннымъ онъ себя не считалъ; кромѣ того, съ нимъ обращались всегда мягко, ласково, и одинъ этотъ тонъ былъ невыносимъ. Онъ не отвѣтилъ и отвернулся.

Близорукій батюшка, въ очкахъ, имѣлъ радостно-побѣдоносный видъ. Казалось, онъ тутъ же неопровержимо докажетъ бытіе Божіе и подлость «Дарвина». Несмотря на нескладность отвѣтовъ, на неточность касательно патріарховъ (ошибки въ опредѣленіи возраста), Женя получилъ удовлетворительно. То же было и по русски. Онъ вздохнулъ веселѣй. Одна латынь!

На перерывѣ онъ сошелъ въ гимназическій садикъ, и тутъ-же получилъ крещеніе. Нѣкій «Юзепчукъ Петръ», второкласникъ, далъ ему тумака. Женя обидѣлся; произошелъ бой, гдѣ противники налетали другъ на друга пѣтухами, подъ гуль и галдѣніе публики, схватывались, опять отскакивали, но оба остались на позиціяхъ, – послѣ-же битвы даже познакомились.

– У Пятеркина держишь? спросилъ Юзепчукъ. – Латынь?

– Да.

– Ну, онъ сволочь. Мнѣ колъ за подсказъ поставилъ.

Пятеркинъ былъ человѣкъ тучный, бритый, съ бородавками.

Съ первыхъ-же ходовъ онъ сталъ ловко загонять Женю въ уголъ, и на третьемъ склоненіи сказалъ:

– Довольно! Егоровъ Иванъ!

Женя не понялъ. Пятеркинъ красиво и жирно поставилъ ему въ журналъ два.

Горекъ былъ для Жени этотъ вечеръ. Мама утѣшала, говорила, что это пустяки, завтра она пойдетъ объясняться къ директору, но онъ былъ безутѣшенъ. Не примутъ! Скандаль. Позоръ, жалкое бѣгство на родину. Онъ молчалъ, потихоньку плакалъ; ночь не спалъ. Казалось,

что весь свѣтъ знаетъ о его неудачѣ; онъ, державшійся всегда твердо и съ достоинствомъ, оказался хуже какого-то Юзепчука и ему предстоитъ быть недорослемъ изъ дворянъ. На другой день мама была у директора. Послѣ мучительнаго четырехдневнаго ожиданія онъ былъ принятъ.

XXIII.

Давно извѣстно, что жизнь миленькихъ гимназистовъ напоминаетъ каторгу. Такъ было и съ Женей. Мама уѣхала, оставивъ ихъ съ Соней подъ надзоромъ Дашеньки. Наступила осень. Поздно свѣтало, и въ суровыхъ потемкахъ, при свѣчкѣ, надо было одѣваться и пить чай. И потомъ – бѣжать, дрожать передъ латинистомъ, передъ надзирателями, директоромъ, инспекторомъ, дышать пыльнымъ воздухомъ класса, ѣсть сухой бутербродъ на большой перемѣнѣ, думать, какъ пройдетъ письменная задача, ждать грубости, подчиняться жалкимъ и бездарнымъ людямъ. Бѣдная жизнь, сѣрая, проклятая. Что можетъ она взрастить?

Въ пятницу Женя шелъ какъ на казнь. Въ этотъ день онъ бывалъ дежурнымъ, и всегда кто-нибудь устраивалъ скандалъ: разбивали стекло, проливали чернильницу.

– Дежурный! – говорилъ надзиратель.

Женя шелъ.

– Кто это сдѣлалъ?

– Не знаю.

– Да? Не знаешь? Ну, останешься безъ обѣда.

Выдавать товарищей, конечно, не полагалось; и

// 44

онъ сидѣлъ. Но сидѣлъ страдая. О, какъ больно оскорбляетъ наказаніе ребенка!

Дома уроки при скудной лампѣ, однообразіе, отсутствіе друзей, природы, вольности. Въ десять часовъ сонъ – вдругъ забылъ приготовить нѣмецкія слова – и въ одной рубашонкѣ, при свѣчкѣ, дозубриваетъ онъ ихъ, въ волненіи. Завтра-же снова «общая молитва», экстемпорали, правило пропорцій.

Такъ уходятъ нѣжные и милые годы, когда душу посѣщаетъ уже образъ Зинаиды, заставляя томно останавливаться сердце. Но гдѣ-же быть Зинаидѣ въ этомъ несчастномъ болотѣ? Далекая, все неземнѣй становится она – зеленая звѣзда отроческой любви.

XXIV.

Разъ, въ ноябрьскій вечеръ, зашла тетя Анна Михайловна. Дѣти мало знали ее; уѣзжая, мама просила иногда навѣдывать ихъ.

Анна Михайловна была невесела и не раздѣлась.

– Тетя, – сказала Соничка, – вы бы сняли шубу. Я васъ угощу вареньемъ, намъ Дашенька замѣчательное сварила.

– Спасибо, милая, некогда.

Анна Михайловна вздохнула.

– Вотъ что, дѣти... Вамъ завтра надо уѣзжать.

Соничка удивилась. Женѣ все это показалось страннымъ. И видѣ тети Анны Михайловны, ея голосъ, то, что она сидитъ въ верхней одеждѣ.

– Я была сегодня у директора, завтра съ утра у начальницы, и завтра же вечеромъ, вѣроятно, вы отправитесь.

– Тетя, я не понимаю, – сказала Соня и вдругъ поблѣднѣла. – Куда мы поѣдемъ?

– Ну, дѣти, ничего особеннаго нѣтъ, вы напрасно не волнуйтесь, но все таки должна вамъ сказать, что получила отъ отца извѣстіе... – она замялась. – Да ничего особеннаго... Мама захворала. Богъ дастъ, пройдетъ все благополучно. Все-же надо ѣхать.

// 45

Соня отошла къ окошку и сморщилась. Маленькіе слезы побѣжали изъ ея глазъ, и, сморкаясь въ платочекъ, она сказала:

– Если насъ вызываютъ, значитъ мама больна серьезно.

Женя держалъ уже въ рукѣ телеграмму: «Мама тяжело больна, высылайте дѣтей немедленно».

Анна Михайловна цѣловала и утѣшала ихъ, но они сразу пали духомъ. Они молчали, Женя заложилъ руки за спину и ходилъ угрюмо изъ угла въ уголъ, Соничка плакала. Женѣ хотѣлось плакать тоже, но онъ крѣпился, и только когда тетюшка ушла, сталъ ревѣть у

себя, въ подушку. Ему казалось, что теперь не стоитъ уже ѣсть, ходить въ гимназію и жить. Безразлично – все пропало. Разъ умретъ мама, къ чему тянуть эту канитель?

Вечеромъ къ нему пришла Соничка и поцѣловала въ лобъ. Эта женская ласка напомнила ему маму еще сильнѣе, – ея запахъ, ея мягкія руки и онъ еще неутѣшнѣ заплакалъ.

– Не плачь, Женичка, – сказала Соня, какъ старшая, стараясь поддержать его. – Дастъ Богъ пройдетъ все. Не плачь, милый.

– Соня, – бормоталъ онъ, сквозь слезы, – скорѣй бы ужъ! Ахъ ты Господи, когда жъ мы поѣдемъ!

Къ сестрѣ онъ тоже чувствовалъ приливъ любви; и теперь не помнилъ уже о поддразниваніи, о томъ, что во всѣ игры, въ дѣтствѣ, она обыгрывала его, о ненавистномъ нѣкогда «бимъ-бомъ».

Около полуночи, очнувшись послѣ мрачнаго сна, онъ увидѣлъ въ Сониной комнатѣ свѣтъ. Тамъ, передъ маленькой лампадкой, Соня молилась. Молилась и Дашенька, охая, шевеля старческими губами – у себя въ каморкѣ.

На другой день съ утра летѣлъ мокрый снѣгъ. Анна Михайловна провожала дѣтей на вокзалъ, усадила въ третій классъ. Туманныя поля, полосы метели проносились мимо нихъ; въ вагонѣ было

// 46

жарко. Хмурые, жалкіе, жались другъ къ другу дѣти, какъ бѣдныя пичуги. Громыханье вагона погружало въ оцѣпенѣніе. Но въ груди давила ровная жестокая тяжесть – мама. Жива-ли, жива? Вдругъ не поспѣютъ и не услышишь никогда звука ея голоса? Въ темнѣющемъ вагонѣ, съ несшимися за окномъ искрами, снова охватывалъ тотъ-же смертный холодъ, что и тогда, съ Настасьей. Станціи, пересадка, носильщики, мужики, – все казалось смутнымъ сномъ.

Чѣмъ ближе подвигались къ дому, тѣмъ больше тоска росла. Вотъ раннимъ утромъ они слѣзаютъ въ темнотѣ на полустанкѣ, откуда идетъ узкоколейная дорога. Здѣсь все уже знакомое; встрѣчаетъ Кузьма и ведетъ на съѣзжую, гдѣ они могутъ отдохнуть до поѣзда.

– Ну... что, Кузьма? – спрашиваетъ Женя, едва выговаривая слова.

– Ничего, слава Богу, Евгений Николаевичъ. – И какъ слышно, мамашѣ вашей лучше.

Милый Кузьма, откуда онъ это знаетъ? Но Женя недовѣрчивъ: можетъ быть, это просто, чтобы успокоить...

– Да вы почему знаете?

– Тутъ вчера мастеръ ремонтный прїѣзжалъ.

Въ двѣнадцать, на станціи Стеклянная извѣстіе подтверждается: встрѣчаютъ Дрезе.

– Ну да ничего, слава Богу! А ужъ мы за мамашу какъ боялись! Чуть не при смерти была третьяго дня, я же васъ увѣряю. Ну, теперь ничего.

Дома были часа въ три. Въ передней ихъ обнялъ отецъ и опустился тяжело на стулъ. Видно было по измѣнившемуся лицу, что нелегко прошли эти послѣднія недѣли.

– Маму нельзя видѣть, погодите.

Онъ рассказывалъ имъ, какъ страдала мама, отъ болѣзни печени. Третьяго дня докторъ сказалъ, что всего ждать можно. Но ночью стало легче.

// 47

– Ночью? – переспросилъ Женя. – Ночью третьяго дня?

Онъ взглянулъ на Соню. «Богъ услышалъ ихъ?» Но отъ волненія, радостнаго и остраго, онъ ничего не могъ сказать.

Наверху все было полно болѣзнью. Казалось, даже смерть не совсѣмъ была покорена въ этой мрачной комнатѣ. Мама, изсохшая и измученная, но съ улыбкой, лежала на огромной постели. Увидѣвъ ее, дѣти лишились выдержки, и припавъ къ постели, рыдали.

XXV.

Они прожили дома около мѣсяца. Это было время тихаго, радостнаго существованія. Съ каждымъ днемъ мама поправлялась, каждый день, просыпаясь, Женя зналъ, что она здѣсь, любимая и дорогая, и въ ужасѣ гналъ мысль, что было-бы, если-бъ она не выздоровѣла. Но нѣчто серьезное вошло въ ихъ жизнь. Не катались уже какъ прежде, беззаботно, на буерѣ, коньки не интересовали, и, казалось, что прошло сразу нѣсколько лѣтъ. Въ жизни бываютъ иногда побѣды, отъ которыхъ оправиться труднѣе, чѣмъ отъ поражений.

Такъ было и здѣсь. Уѣзжая послѣ Рождества въ гимназію, Женя чувствовалъ, что любить мать еще острѣе, и больнѣй, мучительнѣй.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, оглядываясь на родныя мѣста, онъ понималъ, что какая-то часть его жизни – и не лучшая-ли, – прожита, и сюда онъ не вернется тѣмъ безпечнымъ ребенкомъ, какимъ въѣзжалъ въ этотъ домъ. Дѣтство его кончалось.

// 48

^[1] В тексте ошибочно: слега

^[2] В тексте ошибочно: норма